

О защите защитных лесов замолвлю слово

ЦЭПЛ РАН

Нефедьев Виктор Викторович – д. географ. н., Заслуженный лесовод РФ.

Леса — важнейшая составляющая биоресурсного потенциала России. Но лесное хозяйство России в отличие от большинства лесных держав мира убыточно. Лесной доход составляет менее 20 млрд рублей, что обеспечивает покрытие только около 50 процентов затрат федерального бюджета, направляемых на лесное хозяйство. Занимая 20 процентов общей площади лесного покрова Земли, Россия ежегодно заготавливает около 200 млн. кубометров древесины, что в 1,5-2 раза ниже, чем в США, Индии и Китае. В тоже время ежегодно сгорает 2-3 миллиона гектаров лесов, ещё полмиллиона погибают от зелёного пожара - болезней и вредителей. Эти цифры в полной мере характеризуют наше отношение к лесам.

Академия наук Российской федерации проводила анализ мировой практики финансового управления лесным сектором экономики. Результаты исследований показали, что наивысшая эффективность достигается там, где лесное хозяйство из бюджетной сферы услуг превращено в отрасль материального производства, обеспеченного собственными доходами от продажи древесины, недревесных ресурсов леса, а также от оказания экосистемных услуг по поддержанию благоприятной среды обитания человека. Но в последние 20-30 лет у нас произошёл переворот в понимании значения лесного хозяйства как отрасли материального производства. Основной и практически единственной целью пропагандируется задача охранных функций леса. При этом в угоду «нового подхода» совершенно исключается не просто возможность, а именно необходимость своевременной уборки спелого урожая и использования древесных ресурсов в качестве сырья для промышленных нужд. Некоторые авторы - защитники природы, наши соотечественники, проживая за рубежом, вообще выдвигают требование об «оставлении российских лесов в покое и пусть он сам растёт». Но такие требования они почему-то адресуют только к нашей стране, а не к правительствам тех стран, где сами теперь нашли приют.

Новым лесным кодексом режим ведения лесного хозяйства в защитных лесах был значительно усилен. Был введён запрет на сплошные рубки, в некоторых категориях были запрещены даже рубки ухода, в том числе и запрет на рубки новогодних ёлок, выращенных на специально заложенных плантациях. В новом документе цель защитных лесов определялась как «сохранение средообразующих, водоохраных, защитных санитарно-гигиенических, оздоровительных и других полезных функций». В дальнейшем происходило некоторое ослабление запретительных мер, но в целом тенденция на запрет рубок или значительные ограничения сохраняется и на сегодня.

Следует отметить, что в разных регионах Российской федерации существуют различные проблемы в ведении хозяйства, но в целом они очень похожи. В качестве примера хочу остановиться на Подмосковных лесах, где я работал таксатором, начальником партии, главным инженером Центрального лесоустроительного предприятия, так что с проблемами знаком не понаслышке.

Все леса Подмосковья, отнесённые к защитным, существуют в условиях жесточайшего стресса. Кроме огромного числа промышленных предприятий, за последние 20 лет в несколько раз увеличилось количество автотранспорта. Их выбросы загрязняют и воздух, и воду, и почву в объёмах значительно превышающих установленные нормативы. Свою долю также вносит активная застройка площадей лесного фонда. И не секрет, что состояние лесов на сегодня весьма неблагоприятно, обусловленное кроме огромной рекреационной нагрузки, ещё пожарами 2010 года, и эпидемией короеда - типографа. Но так ли не предсказуемо было такое развитие динамики лесов.

Обратимся к истории.

Ещё в шестидесятых годах лесоустройством была разработана схема организации и ведения лесного хозяйства на 30 лет. Этой схемой определены стратегия и тактика ведения лесного хозяйства с целью выращивания лесов, отвечающих их рекреационному назначению. Запроектирован большой объём лесовосстановительных работ, ухода за лесом и размер пользования выращенной древесиной. К 1980 году было предусмотрено доведение объёмов ежегодного пользования лесом до 5 млн. м³. В последующем расчёты полностью подтвердились и исследованиями, и практикой. К сожалению, эти проектировки были приняты только в части лесовосстановительных работ и рубок ухода, а общее пользование лесом, под давлением общественного мнения, резко снижено и не превышало 3.0 млн. м³ в год, в том числе по лесовосстановительным рубкам около 1,5 млн. м³.

В последующем, лесоустройством 1989-91 годов выявлен угрожающий рост площадей ослабленных и погибших насаждений, нуждающихся в санитарных рубках. При увеличении запасов спелых и перестойных насаждений в два раза, общее пользование древесными ресурсами сократилось на 30% и составляло 2,3 млн. м³. Специальными обследованиями в лесах области, проведенными объединением «Леспроект», было установлено, что объёмы свежего сухостоя и отмирающих деревьев в 2-3 раза превышают естественный отпад, а по отдельным лесхозам - до 7 раз. Предлагалось кардинально изменить отношение к лесам области путём проведения конкретных мероприятий по улучшению ситуации. Но, никаких сколь - либо существенных мер в последующем не предпринималось. И не смотря на постоянное увеличение, как общих запасов древесины, так и запасов спелого и перестойного леса, вопреки объективным расчётам, объёмы лесопользования постоянно снижались.

И вот уже в 2010 году запас спелых и перестойных насаждений области составил 112 млн. м³, или 28 % от общего запаса. Следует обратить внимание, что площадь спелых и перестойных ельников в 1961 году составляла всего 3,2 тысяч га, а в 2010 году - 71 тыс. га, т.е. за 50 лет увеличилась в двадцать с лишним раз.

А природа всегда возьмёт своё, и она не заставила себя ждать по выполнению общих законов своего существования. Вот тогда чиновники на всех уровнях управления лесами и общественность горестно сетовали на катастрофу, которая поразила леса Московской области – нашествие короеда-типографа. Даже отраслевые специалисты писали: «Небывалое нашествие короеда типографа, никогда раннее столь массово не атаковавшего

ельники Подмосковья». Что тут сказать? Ведь мы пришли к логическому, много лет ожидаемому результату.

Обратимся к более давней истории. Вот что писал учёный - лесовод М. Турский в 1884 году: «В последние годы и, особенно, в нынешнем году не один лесничий и лесовладелец, конечно, замечал, что в старых еловых насаждениях единичные деревья, а местами и довольно значительные группы их, засыхают. Все, кто более или менее близко стоит к лесному делу, убедились, что засыхание есть следствие повреждения короедами. Три – четыре года тому назад мы могли игнорировать короедов; они нас не пугали, хотя мы и слышали о повальных опустошениях ими в других, более отдалённых от нас странах. А теперь короеды дают знать о себе не только в окрестностях Москвы, но и в губерниях Тверской, Смоленской, Калужской и других. Лесовладельцы, насчитывающие в начале нынешнего лета десятки десятин короедного леса, начали считать их к осени сотнями десятин. Местами распространение короедов идёт такими гигантскими шагами, что опасаются за целостность обширных площадей еловых насаждений». М. Турский. «Из поездки в некоторые леса средней и южной России». Лесной журнал, №5. 1884 г.

Наши лесоводы практики и учёные постоянно обращают внимание на то, что в лесах, где разрешены в основном рубки ухода и санитарные рубки, невозможно вырастить здоровые древостои, создать нормальную возрастную структуру лесов. Ведение экстенсивного хозяйства и, практически, консервация огромных лесных площадей приведут к большим экономическим и экологическим потерям. Ведь вырубка и переработка распадающихся и погибших насаждений из-за потерянной товарности и, соответственно, низкой стоимости такой древесины, экономически не выгодна, требует значительных бюджетных средств. Академик Николай Александрович Моисеев, прекрасно знающий российское и мировое лесное хозяйство, пишет, что в большинстве развитых стран ограничения, связанные с лесозаготовительной деятельностью, распространяются только на особо охраняемые территории. Во всех остальных лесах, в том числе и защитных, идет активная заготовка древесины. Он убежден, что наши защитные леса объективно нуждаются в рубках обновления и реконструкции, так как это позволит повысить их продуктивность. При этом рубки необходимо производить в пределах годичного прироста. Так, по расчетам Моисеева, в Московской области ежегодно нужно вырубать не менее 6,7 миллионов кубометров. В настоящий момент в лучшем случае вырубается пятая часть от этих объемов. В результате, как показывает научные исследования, Московская область переживает настоящую экологическую катастрофу.

Но кто у нас слушает лесоводов? Развёрнутое движение общественных защитников природы категорически отвергало всякие разговоры о необходимости ведения интенсивного хозяйства с целью формирования здоровых, устойчивых к огромным антропогенным нагрузкам лесов. Вопреки отечественной лесоводственной науке и производственному опыту на большей части лесного фонда области были исключены рубки спелых и перестойных насаждений.

Лес - это живой организм, он растёт и стареет. Заклинаниями, даже на уровне руководителей государства, его не приведёшь в порядок. В итоге, казалось бы, «очень природоохранные меры» по спасению леса от любого вмешательства в его естественном

развитии вело к прямо противоположным результатам. В результате необоснованно низкого уровня интенсивности ведения лесного хозяйства, нарушения возрастной структуры и общего старения насаждений нанесён огромный экологический и экономический ущерб. Это сказалось на общем санитарном состоянии лесов и на снижении их защитных свойств. Что бы это стало понятно не только лесоводам, требовалось определённое время. Вот оно и пришло.

И как неизбежность, в лесах Московской области возникла эпидемия размножения вредителя - короеда, которая поразила тысячи гектаров елового леса и привела к его гибели. К сожалению, наше несовершенное законодательство, а не редко и беззаботность работников лесного хозяйства способствовали созданию условий для такой катастрофы. В целом, по разным оценкам, погибло от 100 до 150 тысяч гектаров, то есть практически все спелые и часть припевающих еловых лесов области. Государству по скромным подсчётам от недополученной прибыли нанесён ущерб в размере не менее 50 миллиардов рублей. В последующем из бюджета ежегодно ещё и выделяли до двух миллиардов рублей на уборку погибших ельников. И было бы странным, если бы лесное хозяйство оказалось вдруг доходной отраслью.

Но миллионы кубометров сухой древесины остаются в лесу, ожидая теперь уже сухого лета, и тогда пожары 2010 года всем нам покажутся только цветочками.

Такое положение с лесами, выполняющих защитные функции не только в Московской области. Можно привести в пример и Архангельскую область, и ленточные боры Алтая, да и большинство лесных площадей, отнесённых к защитным лесам. Вообще, само определение «Защитные», как мне кажется, тоже совершенно искусственно. Мне приходилось работать и в притундровых лесах и в горных лесах Киргизии, и в пустынных фисташковых лесах, уже не говоря о других лесах нашей европейской части и Сибири и все эти леса, даже редкие пустынные, выполняли полный комплекс защитных функций, но только, если за ними был соответствующий уход. Вообще, если на Земле леса, которые не выполняют защитные функции? Но об этом, наверное, позже.

Пятнадцать лет тому назад я, по поручению руководителя Рослесхоза, приезжал на Алтай для рассмотрения вопроса о размере пользования в ленточных борах. Тогда управление лесного хозяйства ходатайствовало об увеличении общего пользования лесами с учётом их состояния и динамики развития. Мы объехали и облетели на вертолёте почти все тогда ещё лесхозы, детально ознакомились с организацией и качеством лесовосстановительных работ, ухода за культурами, охраны лесов от пожаров, лесопользованием и переработкой заготовленной древесины. По итогам поездки была составлена подробная записка, которая была рассмотрена на техническом совете Рослесхоза. Нас тогда удивило наличие большого количества поваленных ветром стволов сосны. У этой породы корень стержневой, и она очень редко подвергается ветровалу. Оказалось, что сосна здесь из-за высокого уровня грунтовых вод страдает от корневой губки. Нашей комиссией было обращено внимание руководителей лесного хозяйства края на необходимость более детального изучения этого явления и принятия мер по уборке таких насаждений до того времени, когда в результате поражения болезнью будет происходить интенсивный вывал деревьев. Хочу отметить, что нашей группой специалистов было отмечено высокое качество организации лесного хозяйства и лесопользования, особенно высокой оценки

заслужили мероприятия по лесовосстановлению, организации противопожарной профилактики и охраны лесов от пожаров.

Проработав в отрасли пятьдесят лет, из них двадцать пять лет в лесоустройстве, я достаточно хорошо знаком с лесным хозяйством и Сибири, и центральных областей России, побывав во многих других странах, могу сказать, что в 2004 году организация ведения лесного хозяйства, лесовосстановления, охраны лесов от пожаров в ленточных борах Алтая были одними из лучших и не только в России.

По итогам нашей поездки Рослесхозом было поддержано предложение об увеличении объёма лесопользования на 320 тысяч кубометров. В записке особо отмечалось значительное поражение сосновых насаждений корневой губкой, что, при увеличении площадей спелых и перестойных насаждений, приведёт к ухудшению санитарного состояния ленточных боров. Также в записке отмечалась, что экономическая эффективность ведения лесного хозяйства и лесопользования, создали условия в единственном регионе России вывести лесное хозяйство из дотационного в прибыльное с выполнением необходимых мероприятий по увеличению общей площади ленточных боров, повышения их общей продуктивности и всего комплекса охранных функций.

Наверное, нам нужно определиться в главном: «Защитные леса – это резерв или могильник древесины?»

. Конечно, вопрос слишком прямолинейный, но ведь нужно чётко определиться в пути, по которому вести лесное хозяйство.

Финляндия – бывшая до 1918 года провинцией России, взяла за основу и усовершенствовала разработанные русскими лесоведами методы интенсивного ведения лесного хозяйства, впоследствии названные «скандинавской технологией». Леса здесь отличаются высоким качеством санитарного состояния. Площадь покрытых лесом земель всей Финляндии, в том числе притундровых, которые отнесены к резервным - в 8 раз больше, чем в Московской области, общий запас - 2.3 млрд. м³, в 6 раз больше. Ежегодный прирост составляет более 100 млн. м³, объём ежегодно вырубаемой древесины более 70 млн. м³ (70 % прироста) - в 60 раз больше. Доля лесного сектора в национальном доходе при этом составляет почти 10%. И пусть кто-нибудь скажет, что финны ведут заготовку леса по принципу истощительного пользования, или как сейчас принято писать, неустойчиво ведут лесное хозяйство, что леса Финляндии не отвечают требованиям, предъявляемым к защитным лесам. Когда я в 1985 году первый раз познакомился с лесным хозяйством Финляндии, я был крайне удивлён, что сплошные рубки ведутся в защитных лесах по границе с городом Хельсинки. Спросили, как на это реагируют различные общественные защитники природы. Нам было сказано, что у них в первую очередь учитывается мнение профессиональных лесоводов, а общественные организации должны привести конкретные и обоснованные доводы, если они имеют другое мнение. Вот так, и никакого словоблудия. Другое мнение – обоснуй. Рассмотрим, обсудим, и вместе решим! И никакого словоблудия. Видимо, поэтому так активны эти зарубежные общественники в защите наших лесов, где можно ничего не обосновывать, а просто выплеснуть свои эмоции, которые у нас очень часто берут за основу даже при разработке таких основополагающих документов как Лесной кодекс 2006 года.

Выше приведённые цифры можно сравнить и с ленточными борами Алтая, запас и площадь которых в 17 раз меньше, а пользование меньше в 60 раз. В результате

накопления спелых и перестойных лесов в этой категории защитности значительно снижены и прирост насаждений, и все полезные функции, о которых так пекутся наши «природозащитники», нанося стране и экономический и экологический ущерб. Вот только спросить за это не с кого.

Главным камнем преткновения в спорах о ведении лесного хозяйства стоит вопрос о рубке. Так что же такое рубка - благо или вред для леса? «С теоретической точки зрения многое нам кажется неудобным, что на деле оказывается вполне рациональным. Только с помощью во время начатых и разумно произведённых рубок мы, лесоводы, в состоянии воспитать здоровые насаждения и вместе с тем иметь значительное пользование от леса, которое отнюдь нельзя оставлять без внимания при подсчёте доходов от лесного хозяйства». Эти слова Карл Францевич Тюрмер поставил себе за правило и делом доказал его жизненность.

В начале своей деятельности у графа А.С. Уварова в роли лесничего К. Тюрмер немедленно приступил к вырубке спелых, а затем перешёл к вырубке всех низкополнотных насаждений, и на их месте в короткое время создал высокопроизводительные леса.

Здесь следует особо отметить то, что возраст рубки для ели, которая в Московской области в большинстве своём заражена корневой губкой, он снижал до 40 лет. Эти рукотворные леса теперь отнесены к особо защитным участкам – «памятникам природы» (хотя при чём здесь природа?) и до настоящего времени являются эталоном правильного ведения лесного хозяйства. Конечно, сейчас леса, созданные 120-150 лет назад, достигли возраста, когда происходит их интенсивный распад. И очень показательное отношение к ним защитников природы, требующих запретить в них даже санитарные рубки.

Вот данные из разработанного в 2012 году Мослеспроектом лесного плана Московской области, в котором с 2013 года на ближайшие пять лет ожидалось увеличение ежегодного запаса только погибших насаждений в 2,8 млн. м³. И проектировалась «заготовка древесины при рубке спелых и перестойных насаждений достигших возраста рубки в размере 1, 9 млн. м³». Значит, уже даже в планах предполагалось, что оставшая масса погибшего леса останется в лесу в виде сухостоя и валежа, а это ежегодное увеличение на миллион кубометров только в погибших ельниках, не считая остальную площадь лесов, где средний возраст берёзовых и осиновых насаждений составлял более 70 лет. К сожалению, действительность оказалась куда хуже.

Массовая гибель лесов Московской области от поражения короедом-типографом в большой степени была обусловлена ещё и несвоевременным проведением санитарных рубок на ранней стадии развития очага вредителя. Исполнение конкурсных процедур потребовало столь длительного времени, что короед успевал заселить в десятки раз большую площадь, чем она была до заключения государственного контракта на санитарные рубки. И так было постоянно. Меры борьбы опаздывали более чем на полтора года — в результате потеряна большая часть еловых лесов Подмосковья.

Какие же «защитные функции лесов» мы так берегли все эти годы?

Часто в обоснование запрета рубок спелого леса приводят его как производителя кислорода. Действительно, важным требованием к ведению хозяйства в защитных лесах, является создание насаждений с максимальной кислородной продуктивностью. Но, по многочисленным исследованиям наибольшее количество кислорода выделяют насаждения, имеющие максимум древесной зелени, т.е. средневозрастные и приспевающие насаждения. Так, с 1 га 50 летних сосняков за десять лет выделяется до 40 тонн. Затем эта способность ослабевает, и в столетнем возрасте кислорода они дают около 10 тонн. Но, имея в наличии значительный запас сухостоя и валежа, трудно говорить о производстве кислорода. Ведь вся эта масса древесины гниёт в лесу, потребляя огромное количество кислорода. Кто бывал в подмосковных лесах, заваленных гниющими стволами, некогда прекрасной древесины, знает, как тяжело в них дышать.

Возникает вопрос, а какие, собственно, защитные функции выполняют леса Подмосковья? И что необходимо делать, чтобы сохранить их. Я не говорю об особо охраняемых участках, которые выполняют конкретные функции. Но они занимают менее 10 % от общей площади лесов. На этих участках введены значительные ограничения в хозяйственной деятельности. Но необходимы ли такие ограничения на огромные территории лесов, которыми представлен лесной фонд области? Неужели для повышения защитности лесов Московской области главным было доведение их до катастрофического санитарного состояния, а в большинстве случаев до гибели, чтобы потом вести бесполезную полемику о необходимости санитарных рубок? Можно с уверенностью сказать, что запрет на проведение любых рубок даже на короткое время показал всю несостоятельность и более того вредность для самого леса, а соответственно и для выполнения им защитных функций.

Только разновозрастный, многоярусный, высокопроизводительный лес может соответствовать требуемым защитным свойствам. Но без проведения необходимых рубок ухода, уборки спелых и перестойных насаждений здоровый лес не вырастить. А санитарные рубки — это уже не уход за лесом, а вынужденная мера по уборке погибающих насаждений или сухостоя.

Следует отметить, что современная процедура организации и проведения санитарно-оздоровительных мероприятий довольно длительная и бюрократически сложная. Без изменения договора аренды лесного участка невозможно получить положительное заключение государственной экспертизы на изменения в проект освоения лесов, поскольку он будет не соответствовать договору аренды лесного участка. В свою очередь внести изменения в договор аренды в настоящее время практически невозможно, так как государственный орган управления лесного хозяйства не берёт на себя ответственность внесения таких изменений. А в силу статьи 3 части 74.1 Лесного кодекса договор аренды лесного участка, заключённый по результатам торгов, может быть изменён только по решению суда. Надо же так забюрократить всё. Дошло до маразма - суды решают, где надо проводить уход за лесом, где надо проводить лесоустройство. Может вообще отдать всё лесное хозяйство судам? Но ведь есть государственная лесная и лесопатологическая службы, на основании актов которых и назначаются санитарные рубки. Говорят, что они могут составить фиктивный акт. Так надо спрашивать с них, а при чём здесь лес, почему он-то страдает. Ну, выявили такое нарушение, посадите нарушителя. Нет, все

контролируют, но никто ни за что не отвечает. А миллионы кубометров древесины объёмом более чем в несколько раз больше наших объёмов рубок ежегодно увеличивают объём гниль в лесах России.

И здесь хочется обратиться к нашим литературным классикам, которые, описывали не только красоту и бескрайность лесов России. Не редко они обращали внимание и на нерадивое отношение к ним.

Павел Иванович Мельников-Печерский 1871 год. «Дедушка Поликарп».

«Приехавши на Валковскую станцию, вышел я из тарантаса, велел закладывать лошадей, а сам пошел пешком вперед по дороге. За околицей, у ветряной мельницы, сидел старик на завалинке. На солнышке лапотки плел. Я подошел к нему, завел разговор. То был крестьянин деревни Валков, отец старого мельника, все его звали дедушкой Поликарпом...».

Разговор шёл о земле, урожаях, а потом коснулся и отношения крестьян к лесу.

«... Точно, правда, родимый. Лес вещь дорогая, дорогая, кормилец; как не жаль леса, когда он горит? Уж так его жаль, так жаль, что и сказать не можно. Как этак увидишь, что лесок-от где-нибудь загорелся, так горько станет, подумаешь: "Вот ростил его господь долгия лета, и стоял он, человека дожидаячись, чтоб извел на показанную богом потребу, а теперь за грехи наши — горит без пути" ...

Да вот неподалеку от нас, в Наумовской волости, такая палестина (площадь, местность, край) лесу выгорела, подумать страшно: от Рождествина, почитай, до Толмазина, верст на тридцать выхватило. А лес-от был кондовый, дерево-то не охватишь. Загорелось от божьей воли, от молоньи, а друго дело, не знаю. Ну, дерево-то хоша и обгорело, а все-таки было годно для того, что в лесном-то пожаре только хвоя да сучья горят, а самому дереву вреды нет.

Наши мужички и хотели было купить тот горелый лес, на сплав, чтоб его в низовы города. И купцы приезжали, не по один раз смотрели, тоже хотели купить. За весь-от, что его погорело, два ста тысяч на монету давали, а Василий Трофимыч, что лесом в ту пору заправлял, отписал к самому большому начальству, что тех денег взять мало, коли, дескать, сделать торги, так больше дадут. Требовал, видишь, родименький, Василий-от Трофимыч двадцать тысяч благодарности, а его не ублагодворили. Поэтому и прописал, чтобы лес не продавать, казне-де убытки будут.

На третий год после пожару межевой наезжал, велено ему было доподлинно вымерять, много ль погорело казенного лесу, и сосчитать, сколько придется на продажу бревен, и какой толщины будут они. Ну, палестина не малая — скоро ли ее вымеряешь? Наезжал года по два, — да все-то, кормилец, в самую рабочую пору. Понятых сбивал, подводы, ну и благодарности тоже требовал, без того уж нельзя. Да окромя благодарности харчевые, да свечные, да питейные. Одних питейных что вышло! Человек-от был пьющий, народ-от с ним тоже до винца охочий; бывало, каждый божий день два либо три штофа пеннику. Ну, послал межевой планы, куда следует; по времени и вышло об лесе решенье: торги произвесть, кто больше даст, тому его и продать. А решенье-то выслали после пожару на

восьмой год; той порой лес-от подгнил, ветром его повалило, и остались одне гнилые колоды; лежат комлем вверх и новому лесу расти не дают, корни-то выворотило, землю от того всю изрыло. **Не то, чтоб купить, — с казны еще стали просить, место-то бы только очистить...**

Так и запропало божье место: гарь теперь одна, не пролезешь. Грибы даже не растут, только и пользы, что малиннику много разродилось. ...Так вот оно что, родненький! — промолвил дедушка, немного помолчавши. — Как можно сказать, чтоб мы не жалели лесу! Сердце кровью обольется, как завидишь лесной пожар. Думаешь: "Ну, как и этот лес задаром пропадет?" Как нам не жалеть лесу, родимый? Ведь его бог не про кого, что про нас, вырастил...».

Что тут скажешь? Прошло 150 лет, а что изменилось, и в какую сторону?

В 2002-2004 годах, когда короедная эпопея только начала развиваться, лесное хозяйство Московской области с большим опозданием начало принимать некоторые меры по борьбе с этим вредителем, проводя рубки заражённых деревьев. Но даже эти минимальные рубки стали объектом активизации так называемых экологов, которые не только требовали прекратить рубки, которые якобы приведут к уничтожению лесов области, но и обвиняли работников лесного хозяйства в специальном заражении насаждений ели короедом-типографом с целью заготовки древесины. Их активная деятельность велась через все средства массовой информации в том числе и телевидение. Перед зданием лесной службы проводились пикеты в защиту лесов с выставлением привезённых из леса пней в качестве наглядных пособий, что ожидает наши подмосковные леса. В результате, борьба с эпидемией короеда – типографа была сведена до минимума, а в новый Лесной кодекс были внесены статьи о запрете любых рубок в лесах области, вплоть до рубки новогодних елок на специальных плантациях. Апофеозом этого явилась гибель более 100 тысяч гектаров спелых и приспевающих ельников Московской области. Но ни одна из этих «общественных организаций экологов», ряд из которых позднее был отнесён с иностранным агентам, не принесла свои извинения и не провела ни одного пикета с требованием принять незамедлительные меры по борьбе с короедом-типографом. И, конечно, никто не ответил за тот беспредел и не подсчитывал ущерб от гибели лесов и необходимые затраты на последующее их восстановление.

Все леса России, отнесённые к защитным, нуждаются в системном лечении. Поэтому требуется коренной пересмотр, в первую очередь, стратегии ведения хозяйства, именно, с лесоводственных позиций, а не эмоций. Ведь результаты труда лесоводов можно оценить только по прошествии десятилетий и исправить их весьма трудно, а подчас невозможно. Но, как видно, даже короедная эпидемия ничему нас не научит.

Для исправления существующего положения необходима целевая программа развития лесного сектора по каждому региону России. Главной целью ведения лесного хозяйства должно быть создание высокоустойчивых к антропогенным нагрузкам, разновозрастных, высокопроизводительных лесов. Только при таком подходе лесное хозяйство может сформироваться в высокодоходное по экологическим, социальным и экономическим требованиям производство.

В целях формирования действительно устойчивых и защитных лесов, необходимо их омоложение путем проведения некогда известных рубок обновления и переформирования как минимум в объеме ежегодного прироста насаждений, без ограничения их интенсивности. Это обеспечит естественное возобновление лесов, а там где этого не происходит предпринять меры по их воспроизводству.

Определить важнейшим критерием сохранения лесов их биологического разнообразия, экономически устойчивого управления - формирование оптимальной возрастной структуры лесных насаждений, где в каждом классе возраста присутствуют равные по долям площади и запасы.

В этих целях, учитывая фактическую возрастную структуру насаждений и производить расчет пользования лесом как минимум в размере его прироста, понимая что естественная динамика жизни леса будет стремиться к накоплению спелых и перестойных насаждений, что приведет в конечном итоге к их гибели.

Очень хочется надеяться, что мы сможем понять истинные проблемы защитных лесов и найти совместные решения, которые помогут нашему больному лесному хозяйству.

И здесь опять зову на помощь великого лесоведа-практика К.Ф. Тюрмера: «Если, конечно, на первом плане стоит принцип сохранения леса, а не его уничтожение, то для выполнения его нужны люди, знакомые с лесными делами, но никак не люди, которые понимают под словом «лесное хозяйство» только охранение леса от порубок и заготовки материалов на продажу. Это мнение, к сожалению, господствующее». «... я имею только желание, что бы лес был избавлен от многочисленных ангелов – хранителей. Если лес будет иметь слишком много няnek, то бедное дитя они будут мучить, пока оно совсем иссякнет. Миллионы десятин лесов свидетельствуют, что непрошеные ангелы – хранители действовали для лесов, как могильщики».

В этой статье я не хочу касаться экономики, мне за лес обидно, почему он страдает от нашей бесхозяйственности?